

ны, и для того чтобы в них проникнуть, этнолог должен ставить себя вовне (физическая антропология, технология, предыстория), а так же глубоко внутрь, потому что он отождествляется с группой, в которой живет, и должен уделять особое внимание, так как он лишен других сведений, тончайшим нюансам психической жизни туземцев.

Этнология во всех отношениях выходит за пределы традиционного гуманизма. Поле ее исследования охватывает всю обитаемую землю, а ее методология аккумулирует процедуры, относящиеся как к гуманитарным, так и к естественным наукам.

Три следующих один за другим вида гуманизма интегрируют и продвигают человеческое познание в трех направлениях: во-первых, в пространственном отношении, наиболее «поверхностном» (как в прямом, так и в переносном смысле); во-вторых, в наборе средств исследования: мы начинаем постепенно понимать, что, если по причине особых свойств «остаточных» обществ, которые стали предметом ее изучения, антропология оказалась вынужденной выковать новые орудия познания, они могут плодотворно применяться к изучению других обществ, включая и наше собственное; в-третьих, классический гуманизм был ограничен не только своим объектом – пользовавшиеся его благодеяниями люди также составляли привилегированный класс. Даже экзотический гуманизм XX в. был связан с промышленными и торговыми интересами, которые его питали и которым он обязан своим существованием. После аристократического гуманизма эпохи Возрождения и буржуазного гуманизма XIX в. этнология знаменует собой – для законченного космоса, каким стала наша планета, – появление универсального гуманизма.

Ища источник своего вдохновения в обществах наиболее униженных и презираемых, она провозглашает, что ничто человеческое человеку не чуждо, и становится, таким образом, столпом гуманизма демократического, противостоящего всем предыдущим видам гуманизма, которые были созданы для привилегированных цивилизаций.

Мобилизуя методы и инструментарий, заимствованный из всех наук, и ставя все это на службу человеку, этнология хочет примирить человека и природу в едином всеобщем гуманизме.

Пер. с фр. М.К.Рыклина

К.ЛЕВИ-СТРОСС

ЖАН-ЖАК РУССО – ОСНОВАТЕЛЬ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК*

Пригласив этнолога на это торжество, вы не просто оказываете ему большую честь, за что он вам признателен от себя лично, вы даете возможность молодой науке воздать должное гению человека, для прославления которого, казалось бы, достаточно длинного списка, включающего в себя литературу, поэзию, философию, историю, мораль, политику, педагогику, лингвистику, музыку, ботанику. Да, Руссо был не просто проницательным наблюдателем жизни крестьян, страстным читателем книг о путешествиях, знатоком экзотических обычаев и верований. Можно смело утверждать, что за век до возникновения этнологии как науки Руссо замыслил и предвосхитил ее, и благодаря ему она заняла свое место среди уже существовавших естественных и гуманитарных наук; он предвидел даже, что свои первые шаги этнология сделает благодаря индивидуальному и общественному меценатству.

Для того чтобы оправдать присутствие этнолога на нынешнем торжестве, позвольте мне процитировать несколько отрывков из длинного примечания к «Рассуждению о происхождении неравенства» Руссо, которое явилось одновременно пророческим и программным: «Я с трудом могу понять, как в век, который гордится своими познаниями, не найдется двух человек... один из которых пожертвовал бы двадцать тысяч экю из своего состояния, а другой – двадцать лет жизни на совершение славного кругосветного путешествия, во время которого он изучал бы не только камни и растения, но людей и нравы...» Далее читаем: «Вся земля покрыта породами, которые мы знаем лишь по названиям, а еще беремся судить о человеческом роде! Вообразите, что Монтескье, Бюффон, Дидро, Д'Аламбер, Кондильяк и люди их склада совершили путешествие на благо своих соотечественников, наблюдали и описали – а они умеют это делать – Турцию,

* Jean-Jacques Rousseau, fondateur des sciences de l'homme. Текст выступления на праздновании 250-летия со дня рождения Ж.-Ж.Руссо. Впервые напечатан в сборнике: Jean-Jacques Rousseau. Neuchatel. La Baconniere, 1962. Перепечатан в книге Anthropologie structurale deux. P.Pion, 1973. P. 45-62. – Прим. перев. // Перевод опубликован в сборнике: Леви-Стросс К. Структурная антропология / Отв. ред. М.М.Скибицкий. М., 1980. С. 43-54.

Египет, Берберию, Марокко, Гвинею, страну Кафров, внутреннюю часть Африки и ее восточные берега, Малабар, страну Монголов, берега Гага, королевства Сиам, Перу и Ава, Китай, Татарию и, особенно, Японию, а в другом полушарии – Мексику, Перу, Чили, Магеланову Землю, страну истинных и ложных Патагонцев, Тукуман, Парагвай, если возможно, Бразилию, Караибские острова, Флориду и другие дикие страны. Нет ничего важнее этого путешествия, и совершить его надо со всем тщанием. Представим себе, что, возвратившись из замечательных странствий, эти новые Гераклы написали бы моральную, естественную и политическую историю всего, что увидели. Тогда мы увидели бы, как из-под их пера возникает новый мир, и таким образом научились бы понимать наш мир».

Здесь перед нами вырисовывается метод и программа современной этнологии, а приведенные Руссо имена прославленных мужей служат для этнографов нашего времени образцами, с которыми они не претендуют равняться, но, следуя примеру которых, они несомненно смогут снискать своей науке то уважение, которого они так давно добиваются.

Руссо не ограничился предвидением этнологии – он ее основал. Во-первых, практически, так как он написал «Рассуждение о происхождении неравенства», труд, в котором ставится проблема отношения природы и культуры и в котором можно видеть первый трактат по общей этнологии; во-вторых, теоретически, потому что с поразительной ясностью и точностью отличал предмет этнологии от предмета истории и морали. В «Опыте о происхождении языков, а также о мелодии и музыкальном подражании» женеvский философ писал: «Когда хочешь изучать людей, надобно смотреть вокруг себя, но чтобы изучить человека, надо научиться смотреть вдаль; чтобы обнаружить свойства, надо сперва наблюдать различия»¹.

С этим правилом методологического порядка связано возникновение этнологии; оно же позволяет выйти за пределы того, что на первый взгляд кажется вдвойне парадоксальным. Мы имеем в виду то, что Руссо мог одновременно ратовать за изучение самых отдаленных народов и предаваться изучению самого близкого человека, себя самого; в его трудах устремление к систематической идентификации с другим идет рука об руку с настойчивым отказом

¹ Руссо Ж.-Ж. Избр. соч. М., 1961. Т. 1. С. 238.

от идентификации с собой самим. Два этих кажущихся противоречия разрешаются в одно, и его рано или поздно должен превзойти каждый этнолог. Долг этнолога по отношению к Руссо возрастает еще и потому, что он не просто с исключительной точностью вписал еще не родившуюся науку в реестр человеческого познания – своим трудом, темпераментом, характером, всеми гранями своей личности, всем своим существом Руссо оказывает этнографу братскую поддержку и помогает ему лучше понять себя не просто как чисто созерцательный интеллект, но как субъекта непроизвольно совершающейся в нем перемены, которую благодаря Женевскому философу научилось чувствовать все человечество.

Приступая к полевому исследованию, этнолог всякий раз попадает в мир, который не только чужд, но часто враждебен ему. Выжить и довести исследование до конца помогает этнологу единственно его «я», морально и физически разбитое голодом, усталостью, отсутствием привычных удобств, отказом от приобретенных привычек, проявлением предрассудков, о которых само оно ранее не подозревало; в этой сложной ситуации наблюдатель оказывается парализованным и раздавленным теми самыми особенностями своей личной истории, которые первоначально содействовали выбору карьеры этнографа. В результате приобретения этнографического опыта наблюдатель начинает видеть в себе орудие собственного наблюдения: он научается понимать и оценивать ту часть своей самости, которая кажется «другой» используемому ее «я», становящемуся составной частью наблюдения других «я». Поэтому всякая карьера этнографа начинается с «исповедей», написанных или ненаписанных.

Не потому ли мы можем прояснить наш опыт с помощью опыта Руссо, что личная история, темперамент, стечение обстоятельств спонтанно поставили его в ситуацию, этнографический характер которой очевиден? Из этой ситуации Руссо незамедлительно сделал выводы личного порядка. «Я продолжал любить людей против их желания... – обращается он в «Прогулках одинокого мечтателя»¹ к своим современникам. – И вот они мне чужие, незнакомые, никто, наконец, – раз они того хотели. А я – что такое я сам, оторванный от них и от всего? Вот что мне остается еще решить»². А этнограф мог бы, впервые видя избранных им туземцев, воскликнуть, перефразируя слова женеvского

² Руссо Ж.-Ж. Избр. соч. М., 1961. Т. 3. С. 571.

философа: «Вот они, чужие, неизвестные, никто для меня, раз я сам того хотел! А кем являюсь я, отделенный от них и ото всех? Вот что мне *прежде всего следует* искать».

Ведь для того чтобы достичь цели, которую этнолог ставит перед собой в познании человека, т.е. дойти до принятия «другого», ему нужно прежде всего отказаться от себя самого.

Именно Руссо мы обязаны открытием этого принципа, который только и может послужить основанием гуманитарных наук, но который оставался недоступным и непонятым до тех пор, пока господствовала философия, которая, взяв за основу *cogito*, пребывала узницей мнимых очевидностей «я» и пыталась заложить основания физики, отказываясь от разработки оснований социологии и даже биологии. Декарт стремился перейти прямо от внутреннего мира человека к миру внешнему и при этом не заметил, что между этими крайними точками располагаются миры людей, общества и цивилизации. Напротив, Руссо, который столь красноречиво говорит о себе в третьем лице и в диалогах «Руссо судит Жан-Жака» доходит до того, что себя удваивает, предвосхищая тем самым знаменитую формулу «я есть другой», которая находит подтверждение в этнографическом опыте, открывает великий принцип радикальной объективации. Так, в первой из «Прогулок одинокого мечтателя» он ставит своей целью «отдать себе отчет в модификациях моей души и их последовательности» и продолжает: «Я выполняю на себе операции, схожие в некоторых отношениях с теми, которые физики ежедневно проделывают с воздухом с целью узнать его состояние». Руссо выражает здесь поразительную истину, которая стала для нас привычной благодаря этнологии и психологии, – существует «оно», которое мыслит себя во мне и которое первоначально заставляет меня сомневаться в том, сам ли я мыслю. На вопрос Монтеня: «Что я знаю?» – Декарт ответил: «Я мыслю, следовательно, я существую», – на что Руссо возразил своим: «Что есть я?» – и не дал на этот вопрос определенного ответа, потому что он предполагает разрешение другого, более существенного вопроса: «Есть ли я?» – между тем как в результате интимного опыта Руссо открыл и начал исследовать лишь «другого» в себе.

Такое истолкование является единственно верным. Даже примиренческие тенденции Савойского викария не могут замаскировать тот факт, что понятие самоидентификации остается в

философии Руссо отмеченным двусмысленностью и достигается путем экстраполяции: «Я существую... вот первая истина, которая поражает меня и с которой я *вынужден согласиться*... Имеется ли у меня особое чувство собственного существования или я ощущаю его благодаря своим внешним чувствам? Вот первое сомнение, которое в данный момент невозможно разрешить». Но в своем собственно антропологическом учении, изложенном в «Рассуждении о происхождении неравенства», Руссо раскрывает основание этого сомнения: оно заложено в понимании человека, которое ставит другого до меня, и в понимании человечества, которое ставит жизнь до людей.

Если с появлением общества действительно происходит тройной переход от природы к культуре, от чувственного к рациональному и от животного к человеческому, то человеку уже в естественном состоянии необходимо приписать существенную способность, которая побуждает его преодолеть все эти препятствия. Способность эта, следовательно, изначально и непосредственно обладает противоположными атрибутами, т.е. она одновременно природна и культурна, чувственна и рациональна, животна и человеческа, и переходит из одного плана в другой лишь при условии осознания.

Руссо неустанно повторял, что способностью этой является сострадание, являющееся продуктом идентификации с другим – не просто родственником, близким, соотечественником, но с любым человеком, поскольку он человек и, более того, с любым живым существом, потому что оно живое существо. Человек начинает с того, что ощущает себя идентичным всем себе подобным существам, и этот изначальный опыт он не забывает никогда, даже если демографический прирост – он играет в философии Руссо роль случайного события, которого могло бы и не произойти, но которое, тем не менее, произошло по причине существования общества, – вынудил человека разнообразить свой образ жизни для того, чтобы лучше приспособиться к изменившейся природной среде, в которой он поселился из-за возросшего числа людей. Человек научился отличать себя от других, потому что тягостный опыт научил его различать виды животных, человеческое от животного и свое «я» от других. Однако идентификация, заключающаяся в глобальном постижении людей и животных, предшествует осознанию различий, во-первых, между общими свойствами, а во-вторых, между человеческим и нечеловеческим.

Главное не видеть в философии Руссо проявление слабой воли, которой поиск мудрости служит предлогом для сдачи собственных позиций. В этом отношении не ошибались современники Руссо и в еще меньшей мере его последователи: первые чувствовали, что это надменное мышление, это одинокое и надломленное существование излучает такую разрушительную силу, с которой не сталкивалось еще ни одно общество; вторые же превратили это мышление и пример этой жизни в рычаг, с помощью которого можно перевернуть мораль, право и общество.

Сбылось предсказание Руссо, и в современную эпоху мы испытываем «ужас тех, которые будут иметь несчастье жить после тебя»; именно для нас его философия приобретает особый смысл. В более жестоком, чем когда-либо, мире свирепствуют всевозможные формы массового уничтожения, убийств и пыток; мы не можем не признать эти факты, но нам хочется не принимать их в расчет, потому что это происходит с отдаленными народами, происходит в наших интересах и, во всяком случае, от нашего имени. Однако ужас жизни в обществе довлеет над каждым, потому что все более плотное заселение мира делает его все меньшим, и никто не застрахован в нем от гнусного насилия. В нашу эпоху обнажаются изъяны гуманизма, решительно неспособного поставить человека на путь добродетели, и философия Руссо помогает нам отвергнуть иллюзию, пагубные последствия которой мы ощущаем – увы! – внутри себя и на себе. Разве не миф об исключительном достоинстве человеческой природы внес первое извращение в лоно самой природы, за которым с необходимостью должны были последовать другие извращения?

Начали с того, что отрезали человека от природы, образовали его суверенное царство и таким образом захотели отказать ему в самом очевидном его свойстве, а именно в том, что он – живое существо. Когда же он лишился этого свойства, открылось поле для самых разнообразных злоупотреблений. На примере последних четырех столетий в истории Запада люди могли с особой ясностью убедиться в том, что, присвоив себе право радикально отделять человека от животного и признавать за одним свойства, в которых отказывают другому, они попали в порочный круг: постоянно отодвигая ту же самую границу, отделили человека от других людей и признали привилегию на гуманизм за все более узкими группами людей, ко-

торые развращались едва ли не с рождения в силу того, что находились во власти себялюбия.

Один Руссо решился восстать против этого эгоизма. В уже цитированном мной примечании к «Рассуждению о происхождении неравенства» он предпочел допустить, что человекообразные обезьяны, обитающие в Азии и в Африке, неправильно описаны путешественниками и на самом деле являются людьми неизвестной расы, вместо того чтобы подвергать себя риску оспаривать право называться людьми у тех, кто этим правом обладает. Первая ошибка и в самом деле является менее серьезной, потому что уважение к другому зиждется единственно на естественном основании, которое лучше защищено от рефлексии и софизмов, потому что им предшествует, и которое Руссо видит в «естественном отвращении человека при виде страданий своего ближнего». Открытие это обязывает видеть в ближнем существо, подверженное страданию и поэтому обладающее неписанным правом на сострадание. Ибо единственной надеждой каждого из нас является то, что ближние не будут считать его животным, потому что все они непосредственно воспринимают друг друга как существа страдающие и культивируют в себе способность к состраданию, которая в естественном состоянии заменяет собой «законы, нравы и добродетель» и без упражнения которой, как мы начинаем понимать, в общественном состоянии нет ни законов, ни нравственности, ни добродетели.

Отождествление со всеми формами жизни не является для человека просто ностальгическим прибежищем, но голосом Руссо оно дает современному человеку принцип всяческой мудрости и коллективного действия. Естественным этот принцип может позволить людям совместно жить и создавать гармоничное будущее в мире, размеры которого делают взаимное уважение затруднительным, но тем более необходимым. Урок этот, вероятно, уже содержался в великих религиях Дальнего Востока, но именно Руссо преподал его нам перед лицом европейской философской традиции, которая, начиная с античности, полагала, что можно играть двойную игру и игнорировать тот очевидный факт, что прежде чем отделиться ото всех других существ с помощью второстепенных критериев, человек, подобно им, являлся существом живым и страдающим. В четвертом письме к Мальэрбу Руссо писал: «У меня страстное отвращение к государствам, угнетающим других... Я ненавижу Великих. Я ненавижу

их государственность». Разве заявление это не применимо к людям, которые пожелали господствовать над другими существами и оставили за наименее достойными из людей право пользоваться тем же преимуществом по отношению к другим людям и обращать себе на пользу рассуждение, чрезмерное как в своей общей, так и в частной форме? Человеку цивилизованного общества нельзя простить одно неискупимое преступление: постоянно или временно он стал считать себя высшим существом и рассматривать других людей (делалось ли это во имя расы, культуры, победы, миссии или просто ради удобства) как объекты.

Руссо знал в своей жизни минуту, возможно даже секунду, которая, несмотря на свою быстротечность, предопределяет весь его остальной жизненный опыт; эта минута преследует философа до конца его дней, он описывает ее в своей последней работе, она постоянно всплывает в «Прогулках одинокого мечтателя». Минута эта – не что иное, как возвращение сознания после обморока, связанного с падением... Смысл этой минуты Руссо разъясняет в отрывке из второй «Прогулки»: «Я чувствую непреодолимое, невыразимое желание смешаться со всеми живыми существами, отождествиться со всей природой».

Это изначальная идентификация, в которой общество отказывало человеку и которую тот, забыв свою существенную добродетель, уже не ощущает более, если не подвернутся случайные обстоятельства, дает нам ключ к творчеству Руссо. Мы отводим ему место в числе великих созданий человеческого гения потому, что женеvский философ открыл в изначальной идентификации истинный принцип гуманитарных наук и единственно возможное основание морали. Вот уже в течение двух веков в горниле, которое вновь зажег для нас Руссо, горит огонь, и горит он несмотря на то, что эгоизм политиков и философов упорствует в признании несовместимости людей моего «я» и «я» других, моего общества и других обществ, природы и культуры, чувственного и рационального, человечества и жизни.

Пер. с фр. М.К.Рыклина

КАФЕДРА

А.И.КРАВЧЕНКО

О СТРУКТУРЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ

Иерархия уровней социологического знания

В современной методологии – и в нашей стране, и за рубежом – научное знание принято понимать иерархически и мыслить здание социологической науки состоящим из *пяти этажей*. На самом верхнем расположена *научная картина мира* (философские предпосылки), на четвертом – *общая теория*, включающая категории самого абстрактного уровня, на третьем находятся *частные*, или *специальные теории* – обычно формализованные, логически компактные и конкретные модели социальных процессов. На втором этаже размещаются *эмпирические исследования* – сравнительные, крупномасштабные, репрезентативные исследования, соответствующие самым строгим требованиям науки и способствующие приращению нового знания. Они обслуживают три верхних этажа, так как основное предназначение эмпирических исследований – не просто собрать и обработать факты, а обеспечить надежную проверку теории, ее верификацию. На нижнем этаже находятся *прикладные исследования* – маломасштабные и нерепрезентативные исследования, призванные изучить конкретную социальную проблему и разработать практические рекомендации для ее решения. К прикладной социологии надо отнести все политические опросы, изучение общественного мнения, маркетинговые исследования, управленческое

Кравченко Альберт Иванович – доктор социологических наук, профессор, профессор социологического факультета Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова.